

УДК 1:316.2:6

ВЛАСТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В РУСЛЕ ВОЗЗРЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРЕТИКОВ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Ю.М. Михайлов, Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Проанализирована природа властных коммуникаций сетевого общества в русле воззрений западноевропейских теоретиков. Современные авторы творчески развивают классическое учение М. Вебера о власти как вероятности реализации господства и дисциплины и высвечивают новые грани властных коммуникаций. Отмечается нормативный и децентрализованный характер властных коммуникаций в сетевом обществе. Фактор принуждения в понимании власти по-прежнему признается важным, однако приобретает новое значение: конструирование смыслов и их перенастройка на базе специфических интересов и ценностей (М. Кастельс); достижения правового и ценностного консенсуса (Н. Луман); игра политических стратегий (У. Бек).

***Ключевые слова:** власть, информация, коммуникация, норма, сетевое общество, контроль, координация.*

Проблема властных коммуникаций в условиях развития сетевого общества является неотъемлемой частью дискуссий о современности, чей характер нередко определяется через такие базовые понятия, как «власть», «информация», «коммуникация». Исследования, охватывающие проблемное поле сетевых властных коммуникаций, базируются на рассуждениях М. Вебера о власти как вероятности реализации господства и дисциплины. Работы М. Кастельса, Н. Лумана и У. Бека с достаточной определенностью демонстрируют нам, как современные западноевропейские теоретики власти и общества опираются на классическую веберовскую концепцию и в процессе ее переосмысления выявляют новые грани властных коммуникаций уже в новом, сетевом формате.

Трактовка власти, в трудах М. Вебера, хорошо известна: «Власть – это любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась» [2, с. 109]. Рассуждая о власти, М. Вебер оперирует сразу несколькими понятиями – вероятность, господство, дисциплина и принуждение. Вероятность, в его интенции, является атрибутом социального действия, который осуществляется при наличии определенных факторов и осмысливается сквозь призму мотивов и потребностей. Вероятность можно оценить или подвергнуть количественному анализу, в любом случае это помогает правильно интерпретировать конкретное действие. Через вероятность М. Вебер анализирует господство и дисциплину. «Господство – это вероятность того, что определенные люди повинуются приказу определенного содержания; дисциплина – вероятность быстрого, автоматического и схематичного подчинения приказу у определенного множества людей в силу выработанной у них установки» [там же, с. 109]. Получается, что само понятие власти у М. Вебера, приобретает весьма широкую трактовку, так как означает, что волевые качества человека в определенных обстоятельствах могут оказать властное воздействие. Другое дело – господство и дисциплина: первое – означает конкретную вероят-

ность «встретить повиновение приказу», второе – «привычку массового повиновения без критики и сопротивления». Господство предполагает полное подчинение, достижение которого реализуется и контролируется специальной группой надежных доверенных лиц («штаб управления», в терминологии самого автора). В способе осуществления господства М. Вебер увидел широкий спектр мотивов – материальных и целерациональных, аффективных и ценностно-рациональных, открытых и скрытых. При этом важным атрибутом господства является вера в легитимность власти. В зависимости от «притязаний на легитимность» М. Вебер и различает свои известные типы господства – традиционное, рациональное и харизматическое [там же, с. 252–253].

Линии рассуждений современных западноевропейских теоретиков о природе властных коммуникаций отличаются от веберовского понимания власти: сегодня речь идет не столько о власти-принуждении, сколько о власти-консенсусе, результирующей игру разных стратегий. Несмотря на это, остаются по-прежнему созвучной современности рассуждения М. Вебера о том, что «бюрократическое управление означает господство через знание» [там же, с. 263]. Бюрократия занимает господствующие позиции в силу двух важных обстоятельств: овладения профессиональными знаниями и наличием служебной осведомленности. Оппонентом власти в этом отношении является только капиталистический предприниматель. «Он единственный, кто обладает (хотя бы относительно) иммунитетом в отношении неизбежности бюрократического рационального господства через знание» [там же].

Для современных теоретиков последнее обстоятельство видится особенно важно. Так, американский теоретик сетевого общества М. Кастельс справедливо отмечает, что власть, основанная только на насилии, перестает быть социальной, что главным компонентом властных отношений должны быть конструирование смыслов и их перенастройка. «Чем большую роль в восстановлении власти в отношении играет конструирование значения от “имени” специфических интересов и ценностей, тем менее необходимым становится обращение к насилию (легитимному или нет), – пишет М. Кастельс [3, с. 28]. Власть распределена по всему пространству человеческого действия, но существуют и концентрированные формы выражения властных отношений. И одной из таких значимых форм является государство. Объем власти государства зависит от общей социальной структуры, в которой это государство функционирует. И этот вопрос М. Кастельс считает главным для понимания отношений между властью и государством.

В этой связи М. Кастельс рассуждает, что классическая веберовская формулировка – «каждое государство основано на насилии» утрачивает сегодня свою былую значимость, поскольку современное государство является гарантом властей «малой мощности», т. е. оно может навязывать властные отношения не только в политической, но и в любой сфере социальной практики. «Когда отношения микровласти вступают в противоречие со структурами доминирования, укорененными в государстве, то либо государство изменяется, либо доминирование восстанавливается с помощью институциональных средств» [там же, с. 2]. Таким образом, у М. Кастельса акцент «силы» остается, однако эта сила укоренена не в практике дисциплины и подчинения, а в дискурсах форм осуществления власти. По признанию самого М. Кастельса, он следует не только веберовской, но и фукианской традиции (традиции М. Фуко). Это выражается в принципиальной позиции «комбинирования знания и языка» в сетевом обществе [там же, с. 33].

По М. Кастельсу, «сетевое общество – это общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в

цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий». Он отмечает, что сетевое общество – глобальное общество, но это не означает включенность всех людей в сети, и, наоборот, процессы, происходящие в глобальных сетях, конструируют социальную структуру общества и оказывают влияние практически на каждого жителя планеты [там же, с. 41–42]. Американский теоретик выделяет две новые социальные формы времени и пространства, характеризующие сетевое общество – «пространство потоков» и «мгновенное» время. Пространство потоков – это взаимодействующие места локализации действий, сети материальной коммуникации, контент и геометрия потоков информации, а мгновенное время выражается в том, что сетевое общество стремится сжать и упразднить время, отрицая последовательность, обеспечивая многозадачность [там же, с. 53].

Что же является ценностью в сетевом обществе? На этот неоднозначный вопрос Кастельс дает достаточно простой ответ: ценность – это выражение власти: соответственно, у кого власть, тот и решает, что ценно [там же, с. 46]. В сетевом обществе он выделяет четыре формы власти: сетевая власть (контроль доступа к сети), власть сети (принятие правил), власть в сети (создание и организация контента) и сетесозидающая власть (участники коммуникации, конструирующие смыслы) [там же, с. 61–65]. Отмечается, что сопротивление власти в сетевом обществе также происходит через сети и с помощью сетей.

Определенным образом солидаризируются с М. Кастельсом немецкие исследователи Н. Луман и У. Бек. Н. Луман считает, что сегодня власть – не столько принуждение, сколько наведение коммуникационных мостов. «Более типологически точно и всеобъемлюще было бы определить власть – подобно любому другому коммуникативному средству – как ограничение пространства селекций партнера», – пишет он [5, с. 22]. Если учесть, что под селекцией у Н. Лумана подразумевается явный или имплицитный процесс выбора и выстраивания новых цепей решений, то власть приобретает исключительно информативный и одновременно направляющий, координирующий характер. «Власть “есть” управляемая кодом коммуникация», – говоря это, исследователь подчеркивает, что введенное М. Вебером понятие «орган принуждения» уже не характеризует современное положение дел [там же, с. 29]. Только в самых простых системах еще остается возможным использование принуждения, и оно может быть централизованным. В многоуровневых организациях со сложной сетью коммуникаций и многомерным характером интеракций власть уже выполняет своеобразную функцию катализатора, корректируя ход тех или иных событий.

Н. Луман напрямую не пишет о властных коммуникациях именно в сетевом обществе (его работа «Власть» вышла в свет в 1988 г., а «Реальность масс-медиа» впервые озвучена в виде доклада в 1994 г., т. е. задолго до Интернет-эпохи), однако он признает важную роль автоматизации и калькуляции при переработке потоков масс-медийной информации. О свойстве самореференции личности и общества он рассуждает в терминах Э. Гуссерля: «Жизненный мир в своем статусе горизонта неактуализированных возможностей всегда остается предсознанным» [там же, с. 111]. Однако Н. Луман не соглашается с негативной оценкой роли техники, выведенной с позиции трансцендентальных мыслительных возможностей. Он усматривает реальную сущность технических достижений в информационной разгрузке всех смысловых отношений в процессе коммуникации. Такое широкое понимание техники позволяет лучше представить многомерность средств коммуникации и, в частности, уровни властных коммуникаций. Информационно-компьютерное плато в структуре средств властной коммуникации помогает схема-

тизации и символизации возможностей управления таким образом, чтобы процесс селекции мог реагировать не только на «действительные» нормы, уже признанные «здесь-и-теперь», но и на потенциально «возможные» нормы, которые могут сложиться в новом контексте конституированных властью систем политики и управления [там же, с. 114].

Такого рода рассуждения Н. Лумана возвращают нас вновь к веберовскому пониманию власти как «вероятности», которая осуществляется и оценивается при наличии определенных факторов и осмысливается сквозь призму мотивов и потребностей; как вероятности, помогающей правильно интерпретировать конкретное действие. Разница состоит в том, что М. Вебер использовал понятие вероятности для анализа господства и дисциплины, а Н. Луман – для выяснения нормативных притязаний и обязательств на разных уровнях власти. В коммуникативной теории Н. Лумана власть не рассматривается как некое качество или способность личности. В сравнении со старыми теориями власти его подход позволяет различать в природе властных коммуникаций «код» и «процесс», где код – способ упорядочивания отношений в системе, а процесс – кодирование на основе «права» и «бесправия» [6, с. 54, 56–57]. В случае успешного принятия решения конфликтные ситуации откладываются в памяти участников коммуникаций, превращаются в нормы, генерализируются как ожидания. «Во всех этих случаях прямое коммуникативное обращение к власти заменяется обращением к символам, накладывающим на обе стороны нормативные обязательства и одновременно принимающим в расчет подразумеваемый перепад между властными уровнями», – так, на взгляд Н. Лумана, формируется символический код власти [5, с. 21].

Власть отличается от других коммуникативных форм тем, что ее код требует от партнеров «действие», а не состояние или переживание, подмечает Н. Луман [6, с. 34]. Статус власти регулируется так называемым медийным кодом, т. е. через множество коммуникативных форм и уровней, среди которых – формирование правил подчинения, подтверждение ожиданий, стимулирование мотивов подчинения, определение степени ответственности, институционализация норм, легитимация новых решений и притязаний на значимость. Со всей очевидностью можно сказать, что коммуникативная теория власти сильна своей обращенностью к нормализованной правовой власти, противопоставляемой насилию и централизации власти. Факторы насилия и жестокости, конечно, не игнорируются теоретиком, более того, признаются как эксцессы, свойственные многим общественным состояниям. Однако, по мнению Н. Лумана, эгоизм «власть имущих» для понимания властных коммуникаций – это уже проблема уровня дифференциации кантовского «должестования» и реального положения дел. Это уже сфера практической морали: права и беззакония, конформизма и девиации, ответственности и безответственности.

У. Бек тоже является сторонником коммуникативной теории власти. Он рассматривает власть не в субстанциализированном смысле, а как игру политических стратегий. Сегодня такая игра идет пока без правил, рассуждает У. Бек, и поясняет свою мысль так: старые правила игры, поддерживавшие национальное государство, уже не работают, а новые правила игры, предлагаемые глобальным космополитическим порядком, еще не сформировались. Власть как игра политических стратегий видится У. Беку в «динамической взаимозависимости трех перспектив действий – мировой экономики, государств, глобального гражданского общества, статус акторов которых конституируется сам собой (или не конституируется) во взаимном антагонизме силовой метаигры с ее меняющимися правилами» [1, с. 169].

Как и М. Кастельс, У. Бек начинает изучать новые «правила игры» властных коммуникаций, прежде всего, в сфере экономики. Экономическая глобализация, на его взгляд, не только порождает смену правил игры хозяйствующих субъектов, но и открывает новые источники легитимации власти. «Стратегии капитала могут максимизировать свою всемирно-политическую власть тогда и в той мере, в какой удастся установить связь между капиталом и правом, капиталом и государством», – утверждает автор [там же, с. 173]. И далее подробно прописывает две основных стратегии самолегитимации капитала, позволяющие создавать «кооперирующие сети» поверх национальных барьеров управления и тем самым раскрывать новые источники легитимации, исключая силу авторитета и насилия. Первая стратегия – неолиберализация государства как создание условий экономической самотрансформации политики. Вторая стратегия – разгосударствление права как создание условий для договора и консенсуса, т. е. новых легальных инструментов, делающих возможным урегулирование конфликтов.

Опираясь на взгляды Ю. Хабермаса, подчеркивающего роль власти в значимости установки на коммуникативный консенсус [4, с. 19], У. Бек соглашается с важностью достижения такого с точки зрения взятия на себя обязательств. Однако он задается вопросом, каким образом в современных глобализирующихся условиях «частнохозяйственный авторитет», будучи оппонентом государственного демократического авторитета (в терминологии М. Вебера, «капиталистический предприниматель» тоже оппонент власти) и не располагающий, соответственно, государственными средствами насилия и принуждения, может добиться консенсуса интересов. Ответ обнаруживается в спектре соотношений между «убеждением» и «принуждением», более или менее сочетающимся, на взгляд У. Бека, с «консенсусом». Понимая под принуждением нормативность как самокоординацию, он пишет, что «законы и нормы должны обладать способностью своего рода самопринуждения и развивать его, обладать своего рода утверждающе-убеждающей силой и развивать ее» (см. об этом: [4, с. 175].

Уходит в прошлое политика с ее образом носителя власти, который «тонет в зыбучих песках администрирования» и видит своей задачей избегать кризисы и риски, опасные для политической системы. На смену постепенно приходит политика, осуществляющая системную трансформацию под знаком «саморазгосударствления». Новая игровая политическая стратегия, по мнению У. Бека, обязана находить новые способы коммуникации, чтобы по-новому распределять и охранять власть на всех уровнях – глобальном, национальном и локальном [там же, с. 180].

Следуя в русле воззрений У. Бека, сталкиваемся с любопытной деталью. Описывая новую тенденцию «саморазгосударствления», складывающуюся на фоне современной конфронтации между глобализирующейся экономикой и государством, У. Бек проводит историческую параллель. Он напрямую сравнивает современное противостояние национального государства и мировой экономики с былой конфронтацией «рынок против ойкоса», проанализированной в свое время М. Вебером. Тогда речь шла об освобождении рынка от давления власти европейского города XIII в., сегодня – об освобождении мировой экономики от национального государства. Современный немецкий теоретик пишет: «Для случая средневековых городов Макс Вебер подчеркивает амбивалентность и переплетение интересов, которые характерны (в переносном смысле) и для освобождения мировой экономики от локальной парадигмы национального государства» [2, с. 185]. Трудно оценить корректность такого сравнительно-исторического экскурса сквозь эпохи, для этого надо быть специалистом в экономике. Однако явно, что в обоих случаях речь идет о проявлении глобализационных явлений и связанной с этим

смене режимов общественно-политического и экономического устройства. Речь идет о том, что форма локального может быть «пробита» извне, в связи с усиливающимся количеством новых внешних факторов (см.: [7]).

Сегодня национальное государство в одном случае лишается информационной власти (У. Бек), в другом – испытывает информационный перегруз, что делает его в любом случае менее сильным, и возможность применения власти снижается (Н. Луман) [1, с. 185; 6, с. 84–85]. Таким образом, если говорить о властных коммуникациях в сетевом обществе, то вероятность и глубина их осуществления напрямую зависят от объемов информации и характере ее использования, от интерпретации и оценки. Вопрос легитимности власти связан с проблемой достижения правового и ценностного консенсуса всех участников коммуникаций. Акцент «силы» властных коммуникаций по-прежнему признается, однако эта сила, по мнению современных теоретиков, укоренена не в практике дисциплины и подчинения, а в дискурсах форм осуществления власти, среди которых конструирование смыслов и их перенастройка на базе интересов и ценностей (М. Кастельс); достижение правового и ценностного консенсуса (Н. Луман); игра политических стратегий (У. Бек).

Список литературы

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия: пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция; Изд. дом «Территория будущего», 2007. 464 с.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т.: пер. с нем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1: Социология. 445 с.
3. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
4. Клинкова Д.А., Михайлова Е.Е. Дискурсивное пространство информационного общества и социальная легитимация. Тверь: СФК-офис, 2015. 162 с.
5. Луман Н. Власть: пер с нем. М.: Праксис, 2001. 256 с.
6. Луман Н. Реальность масс-медиа: пер с нем. М.: Праксис, 2005. 256 с.
7. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М.: Проспект, 2005. 430 с.

THE POWER OF COMMUNICATION UNDERSTOOD BY CONTEMPORARY NETWORK SOCIETY THEORISTS

Y.M. Mikhailov, E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The article is aimed at the analysis of the power communications portrayed by the contemporary Western European theorists of network society. Contemporary authors creatively develop M. Weber's classical doctrine of power understood as the outcome of domination and discipline simultaneously revealing new facets of power communications. Normative and decentralized character of power communications are studied. The factor of coercion in power exer-

cise is still acknowledged as important, but taken in the new perspective: the construction of meanings and their tuning on the basis of the specific interests and values (M. Castells), the production of law and value consensus (N. Luhmann), as well as the game of the political strategies (U. Beck).

Keywords: *power, information, communication, norm, network society, control, coordination.*

Об авторах:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

МИХАЙЛОВ Юрий Михайлович – аспирант кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета. E-mail: ymm67@yandex.ru

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – Ph.D., Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Doctor of Philosophy, Professor. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

MIKHAILOV Yury Michaylovich – Ph.D. Student of the Dept. of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University. E-mail: ymm67@yandex.ru